Официальный ознакомительный отрывок

СЛОНИХА В ФУРГОНЕ

BERND BEST

globaltalents.net

© 2026 Bernd Best

Все права защищены.

Первое издание 2026 · Перевод с немецкого

Издательство: globaltalents independent publishing

Globaltalents LLC · globaltalents.net

447 Broadway, 2nd Floor, Suite 703

New York, NY 10013, USA

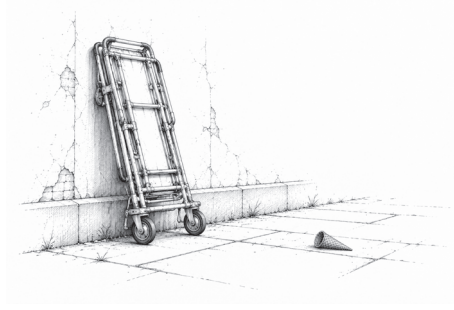
hello@globaltalents.net

Иллюстрации: Gela Kubicki

Редактура: Hansgeorg Schluck

Это художественное произведение. Персонажи и сюжет придуманы автором; центральное вещество романа также вымышлено.

Печать по требованию через: Bookvault



ЧАСТЬ ОДИН
ХВАТКА

Мясной хлеб испортится.

ИРИНА

ГЛАВА 1
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11:23

Грузная мать тяжело дышала. Было воскресенье, 11:23, и она со своими 179 килограммами одолевала восемьдесят метров от торгового центра до своей многоэтажки. Времени на это ушло уже немало.

На улице была зима. На голых деревьях во дворе ещё висела ночная наледь, и там, куда не добиралось солнце, она оставалась висеть, похожая на стекло. И всё-таки она поела мороженого, настоящего, в вафельном рожке.

Два шарика. Страчателла и новое, с жжёной карамелью. За второй девушка за прилавком денег не взяла: Ирина так долго жаловалась на цену, что проще было подарить ей шарик, чем выслушать ещё хоть слово. Сверху сливки. Мороженое без сливок было для неё не мороженым, а оскорблением. А мыслями она уже была дома: в холодильнике остался мясной хлеб, она съест его холодным, прямо руками, а рядом стояла открытая коробка вина, которая к вечеру опустеет, как к вечеру пустела каждая коробка.

На завтрак она допила вчерашнюю коробку, два стакана, может, три, столько, чтобы мысль пройти восемьдесят метров показалась удачной. Никто уже не замечал, что она пьяна, потому что другой она не бывала: медлительная, приветливая, и лицо при каждом шаге чуть запаздывало. Волосы были подкрашены на кухне в морковно-рыжий цвет, какого в природе не бывает, а у корней уже несколько недель светлела полоса.

Белого фургона она не заметила. Это был подарок от дочери. Не совсем: трое мужчин в масках, водитель, врач с его двумя цифрами, сиделка, носилки для особо тяжёлых пациентов, всю эту команду Женя наняла, чтобы помочь маме похудеть. Пристёгнуты, готовы подхватить Ирину и погрузить её в глубокий медикаментозный сон на долгие месяцы.

Проснуться Ирина должна была чем-то средним между тощей косулей, Iron Woman и последней супермоделью конца восьмидесятых. Во всяком случае, таков был план.

Что она тогда чувствовала, она бы не сумела сказать. Запомнилось только одно: сначала ей показалось, что она споткнулась. Земля приближалась, и Ирина злилась, потому что с её весом подняться было целым предприятием, событием со зрителями.

Потом появились руки. Не грубо, и от этого было не по себе. Они брали её, как грузчики берут дорогой рояль, осторожно, помня о счёте. Четыре захвата, слева, справа, под мышками, под коленями, и мир опрокинулся. Перед ней было плоское, молочно-серое небо зимнего воскресенья, когда никто не раздвигает штор.

Две женщины на автобусной остановке увидели то, что в воскресенье в этот час можно увидеть на этой улице: белую машину, носилки, мужчин в масках и перчатках, толстую женщину, которая упала по дороге домой. Человеку стало плохо. Одна сказала другой, что та уже давно еле ходила.

Она хотела закричать. Получился возмущённый стон, как у человека, которого обошли в очереди у кассы. Кто-то из этих людей что-то сказал, спокойно, почти вежливо, но на чужом языке, которого она так и не выучила. Ирина не поняла ни слова, и от этого стало ещё хуже. Ни о чём не попросишь на языке, на котором не говоришь. Потом она почувствовала холодный поцелуй иглы в сгибе локтя, и возмущение растворилось, как сахар в тёплой воде.

Последняя ясная мысль была нелепой, и Ирина это понимала ещё в ту секунду, когда мысль пришла. Она подумала: Мясной хлеб испортится.

КТО СИДЕЛ В ФУРГОНЕ

За рулём сидел человек, которого в доме все называли только охранником. Не потому, что не знали, как ещё его назвать. Точнее он себя обозначать не позволял. Он вёл машину так, словно она была пустой.

Сзади, между носилками и колёсной аркой, сидел врач. Он смотрел на две цифры на маленьком приборе, сатурацию и пульс, словно других цифр в мире уже не осталось. Эта женщина была жива благодаря его рукам, и все в машине это знали.

Рядом с ним сиделка поддерживала голову женщины, хотя никто её об этом не просил. Ещё до того, как машина тронулась, она большим пальцем стёрла остаток сливок с уголка её рта. Врач видел и ничего не сказал. Ни в одном протоколе этого не было.

Троих мужчин в масках на скамье можно было заменить любыми другими, и они это знали. Мышцы, молчание, перчатки. Маски аптечные, синие, на резинках, после той весны на троих мужчин в таких масках уже никто не оглядывается. Один тихо молился, но никто не знал кому.

ДОРОГА

По карте от её многоэтажки до леса было три часа двадцать минут. Ехали четыре: охранник дважды останавливался на придорожных стоянках, но никто не выходил. Белый фургон, который где-нибудь едет слишком медленно, менее заметен, чем тот, что часами нигде не останавливается.

Внутри пахло дезинфекцией и холодным кофе, и чем дольше они ехали, тем сильнее пахло Ириной, сладковатым запахом немытого тела, которое годами несло на себе больше, чем должно было, и утренним вином, проступавшим сквозь поры. Врач учуял его ещё до того, как носилки внесли в машину, и поправил одну цифру в своих расчётах на первые три дня. Никто ничего не сказал. Печка работала на второй скорости. Сиделка укрыла Ирину спасательным одеялом, золотой стороной внутрь, и тихий шелест фольги на каждой неровности дороги долго оставался самым громким звуком в машине.

На сто двенадцатом километре Ирина перестала дышать.

Ненадолго. Одиннадцать секунд, потом дыхание вернулось со звуком двери, захлопнувшейся от ветра. Врач посмотрел на цифру, потом на часы, потом снова на цифру. Он этого ждал. Об этом было написано в медицинской карте, в обеих странах было написано, и никто никогда ничего не предпринял: эта женщина годами по нескольку раз за ночь переставала дышать и всё-таки каждое утро просыпалась. Вот медицинское основание для всего, что последовало, и основание веское. В этом и было удобство.

За дорогу это повторилось ещё четыре раза. Врач каждый раз записывал секунды.

За окнами город сменился полями, поля холмами, холмы лесом, всё более густым и тёмным, пока кроны не сомкнулись над дорогой, как ладони над свечой. Температура упала

ниже нуля, а лес словно остановили и забыли снова включить.

ЧТО ЖДАЛО ИРИНУ

Никто её не хватится. На это был расчёт, и он оправдался.

Ни одно домашнее животное её не ждало. Рядом с Ириной животные долго не жили. Дочкину кошку она однажды утром выпустила за дверь и больше не видела, и даже толком не искала. А хомяка, который был у ребёнка, засосала пылесосом во время уборки. Он оказался вне клетки, а ей было лень выключить пылесос.

Её ждали пересуды. Соседка, с виду вдвое моложе, а по годам вдвое старше, через три дня удивится, что толстуха напротив больше не ковыляет в торговый центр. Через неделю другая скажет, что та наверняка опять в другой стране, у своей матери с деменцией, из-за квартиры, известное дело. Через две недели спрашивать перестанут.

Работа её не ждала. С весны приходила пенсия, которую назначили после двадцати лет справок. Её хватало на квартиру и на вино, но не на то и другое вместе. Недостающее Ирина зарабатывала вязанием. Вязала хорошо, брала наличными, в обход ведомства, а платили ей за пряжу и за малую часть часов, потраченных на работу. Остальное покрывала дочь, которой раз в несколько недель в два часа ночи приходило сообщение с цифрой.

Дочь спрашивать не станет. Дочь в этот час сидела за кухонным столом в другой стране, сидела за ним уже неделю и знала, где её мать, с точностью до километра.

Собиратель бутылок будет смотреть дольше всех. Он был её последним приятелем: шесть лет они собирали бутылки у скамеек, а летом на озере, он таскал ящики, она высматривала, и он был единственным, кто когда-либо что-то ей давал, не предъявляя потом счёта: деньги за бутылки, все,

монетами, каждый раз, и кран, который больше не капал, и дверь, которая снова закрывалась. В то воскресенье он стоял у контейнера во дворе, и через въезд ему были видны все восемьдесят метров, и он видел белую машину, и носилки, и четыре захвата, и за двадцать лет он видел в этом дворе три скорые и знал, что там берут иначе. Но собиратель бутылок не идёт с заявлением в полицию. Его никто не спрашивает, такая у него работа.